В. И. Райгородская

КАК РОЖДАЛАСЬ ЛЕГЕНДА

Напечатали очерк не сразу. Ортенберг, помня о том, что боем у разъезда Дубосеково интересуются на самом высоком уровне, отправил оттиск уже набранного материала в Главное политуправление. Затем туда же вызвали автора для обстоятельной беседы. И только после этого «Красная звезда» опубликовала подробный рассказ о героях-гвардейцах. Останься написанное Кривицким лишь образцом военной публицистики — не о чем было бы сегодня спорить. Но последовало очень серьёзное продолжение.

21 июля 1942 года всем названным в газетном очерке панфиловцам было присвоено звание Героя Советского Союза. Вот как вспоминал об этом Ортенберг: «Вчера получили Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза большой группе воинов Западного фронта. Читая полосы, я увидел среди награжденных много знакомых имен: Клочков, Добробабин, Петренко, Натаров... Словом, все двадцать восемь панфиловцев. Но меня удивило, что они не выделены, как мы ожидали, отдельным Указом.

Позвонил на командный пункт Западного фронта Жукову:

— Георгий Константинович, почему ты отказался от славы своего фронта?

— Как отказался? — недоумевал Жуков.

— А очень просто. Получили Указ о героях Западного фронта. Но почему не выделены двадцать восемь? Ведь это дело особое...

— Обожди печатать, — сказал Георгий Константинович, — сам не пойму...

С кем он после этого говорил — не знаю, быть может, с М. И. Калининым, а может быть, со Ставкой, но только спустя несколько часов мы получили новый вариант Указов. Среди них был отдельный Указ о присвоении звания Героя Советского Союза двадцати восьми панфиловцам. Конечно, мы его напечатали первым, на самом видном месте в газете… А ночью мне позвонил Жуков:

— Ну, как?

— Все в порядке, Георгий Константинович. Печатаем отдельный Указ. Теперь все правильно, по справедливости...

Успели дать и передовую, которая так и называлась “Награждение 28 павших героев”» [6].

Так образ 28 панфиловцев был закреплён официально. «Традиции этих смельчаков закон гвардейца», — говорилось в передовой статье. Напоминала газета и о том, что «моральный дух, поднявший 28 гвардейцев на

вершину героизма, был не даром судьбы, не минутной вспышкой отваги, а славным результатом терпеливого, упорного воспитания людей. Честь и хвала командирам и комиссарам 8 Гвардейской дивизии, воспитавшим таких воинов-исполинов, как павшие панфиловцы!» [4].

Кто был инициатором награждения? Командир полка И. В. Капров заявил следователям военной прокуратуры, что представления к награде не подавал. Из штаба дивизии ему прислали на подпись уже оформленные наградные листы. Может быть, решение принималось командованием Западного фронта? Лично Жуковым? Не исключено, что и выше — неспроста ведь интересовался фамилиями «всесоюзный староста» М. И. Калинин!

На следующий день Александр Кривицкий вновь отправился к разъезду Дубосеково. У братской могилы собрались жители окрестных деревень, прошёл митинг. В суровом молчании замерли солдаты из расположенной неподалёку воинской части. Они уходили на фронт… Всё это запечатлел на плёнке фоторепортёр «Красной звезды» Георгий Хомзор [2].

Такова история легенды, в которой причудливо переплелись и судьбы реальных бойцов Панфиловской дивизии, и художественное слово, и, как мы бы сегодня сказали, административный ресурс.

Обсуждать факты, разбираться в событиях того залитого кровью дня можно и нужно. Только не стоит забывать о том, что люди, чьи имена прозвучали с газетной страницы, были на самом деле и они достойны нашей памяти. С ноября 2017 года историк из Казахстана Л. С. Ахметова и её добровольные помощники работают с документами из фондов Центрального архива Министерства обороны над восстановлением поимённого списка 316-й стрелковой дивизии. Перепечатанные материалы выкладываются в соцсетях. Есть список 4-й роты 1075-го полка за сентябрь, то есть ещё до начала боевых действий. Я нашла в нём 23 фамилии из 28 (всего там 131 человек). Так что Гундилович знал этих людей с момента формирования дивизии. Он два месяца готовил их к боям. Он с ними прошёл через двенадцать дней жестокой схватки на подступах к Волоколамску в октябре 1941 года. Потери действительно были большими. Но затем в состав 4-й роты влились оставшиеся в живых солдаты 1-го батальона, в результате октябрьских боев переставшего существовать [3], о чём, разумеется, не было известно военкору Коротееву, назвавшему главному редактору примерную цифру в 30–40 бойцов.

Иногда в порыве разоблачения ссылаются на слова командира полка из справки-доклада военной прокуратуры, но ограничиваются вырванным из контекста первым предложением. Приведу цитату полностью: «…Никакого

боя 28 панфиловцев с немецкими танками у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г. не было — это сплошной вымысел. В этот день у разъезда Дубосеково в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась 4-я рота, и действительно дралась геройски. Из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали в газетах. Никто из корреспондентов ко мне не обращался в этот период; я никому никогда не говорил о бое 28 панфиловцев, да и не мог говорить, т. к. такого боя не было. Никакого политдонесения по этому поводу я не писал. Я не знаю, на основании каких материалов писали в газетах» [7].

Как и почему появилась цифра 28, мы уже знаем. А откуда вообще получил информацию Коротеев? Из устного разговора с комиссаром дивизии. «Примерно 23–24 ноября 1941 г. я вместе с военным корреспондентом газеты “Комсомольская правда” Чернышевым был в штабе 16-й армии… При выходе из штаба армии мы встретили комиссара 8-ой Панфиловской дивизии Егорова, который рассказал о чрезвычайно тяжелой обстановке на фронте и сообщил, что наши люди геройски дерутся на всех участках. В частности, Егоров привел пример геройского боя одной роты с немецкими танками, на рубеж роты наступало 54 танка, и рота их задержала, часть уничтожив» [7].

Что в этой истории вымысел? Пожалуй, сама картина боя, в подробностях описанного Кривицким. (Даже если он в самом деле говорил с раненым Натаровым, то вряд ли много мог почерпнуть из «обрывков фраз, перепутанной мозаики слов».) И ещё — что танки не прошли. Так было нужно для газетной статьи: рубеж должен быть удержан. На самом деле к исходу дня 16 ноября немцы опрокинули весь передний край нашей обороны. Но надо иметь в виду, что в те дни под Москвой шла битва за время. За минуты и часы. Важно было держаться, сколько возможно на каждом пятачке. Перемалывать вражескую армию, тормозить её продвижение, пока к столице стягивались силы. Бой взвода панфиловцев, волею случая ставший известным всей стране, был лишь одним из сотен таких же. Он был важен как пример массового героизма, пример стойкости воинского подразделения, не покинувшего рубеж.

И в завершение — очерк Александра Кривицкого (текст по первоисточнику [1]).

О 28 павших героях

Когда в бою умирают гвардейцы, крылатая слава слетает с воинского знамени и незримо становится в почетный и бессменный караул у изголовья погибших. Далеко по советской земле разнеслась весть о подвиге двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, сложивших свои головы на поле брани. Мы еще не знали всех подробностей их гибели, еще не были названы

имена героев, тела их еще покоились на земле, захваченной врагом, но уже обходила фронты молва о сказочной доблести двадцати восьми советских богатырей.

Только теперь нам удалось восстановить полную картину гибели горстки храбрецов-гвардейцев. Это было 16 ноября. Панцирные колонны врага находились на Волоколамском шоссе. Они рассчитывали, не останавливая заведенных моторов, ворваться в Москву. 316-я стрелковая дивизия, ныне 8-я гвардейская краснознаменная имени генерала Панфилова, преградила им дорогу. Товарищ Сталин отдал приказ — задержать немцев во что бы то ни стало. И на пути гитлеровцев выросла непреодолимая стена советской обороны.

Полк Капрова занимал оборону на линии: высота 251 — деревня Петелино — разъезд Дубосеково. На левом фланге, седлая железную дорогу, находилось подразделение сержанта Добробабина. В тот день разведка донесла, что немцы готовятся к новому наступлению. В населенных пунктах Красиково, Жданово, Муромцево они сконцентрировали свыше 80 танков, два полка пехоты, 6 минометных и четыре артиллерийских батареи, сильные группы автоматчиков и мотоциклистов. Грянул бой.

Теперь мы знаем, что прежде чем двадцать восемь героев, притаившихся в окопчике у самого разъезда, отразили мощную танковую атаку, они выдержали многочасовую схватку с вражескими автоматчиками. Используя скрытые подступы на левом фланге обороны полка, туда устремилась рота фашистов. Они не думали встретить серьезное сопротивление. Бойцы безмолвно следили за приближающимися автоматчиками. Сержант Добробабин точно распределил цели. Немцы шли, как на прогулку, во весь рост. От окопа их отделяло уже 150 метров. Вокруг царила странная, неестественная тишина. Сержант заложил два пальца в рот, и внезапно раздался русский молодецкий посвист. Это было так неожиданно, что на какое-то мгновенье автоматчики остановились. Затрещали наши ручные пулеметы и винтовочные залпы. Меткий огонь сразу опустошил ряды фашистов.

Атака автоматчиков отбита. Более семидесяти вражеских трупов валяются недалеко от окопа. Лица уставших бойцов задымлены порохом, люди счастливы, что достойно померились силами с врагом, но не знают они еще своей судьбы, не ведают, что главное — впереди.

Танки! Двадцать бронированных чудовищ движутся к рубежу, обороняемому двадцатью восемью гвардейцами. Бойцы переглянулись. Предстоял слишком неравный бой. Вдруг они услыхали знакомый голос:

— Здорово, герои!

К окопу добрался политрук роты Клочков. Только теперь мы узнали его настоящую фамилию. Страна прославила его под именем Диева. Так назвал его однажды красноармеец украинец Бондаренко. Он говорил: «Наш политрук постоянно дие» — по-украински значит — работает. Никто не знал, когда Клочков спит. Он был всегда в движении. Деятельного и неутомимого, его любили бойцы, как старшего брата, как родного отца. Меткое слово Бондаренко облетело не только роту, но и полк. Клочковым политрук значился лишь в документах. Даже командир полка звал его Диевым.

В тот день Клочков первый заметил направление движения танковой колонны и поспешил в окоп.

— Ну что, друзья, — сказал политрук бойцам. — Двадцать танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так много!

Люди улыбнулись.

Добираясь к окопу, Клочков понимал, что ждет его и товарищей. Но сейчас он шутил и, ловя на себе одобрительные взгляды красноармейцев, думал: «Выдержим до конца». Вот все они были перед ним — люди, с которыми ему предстояло разделить и смерть и славу.

…Пусть армия и страна узнают, наконец, их гордые имена. В окопе были: Клочков Василий Георгиевич, Добробабин Иван Евстафьевич, Шепетков Иван Алексеевич, Крючков Абрам Иванович, Митин Гавриил Степанович, Касаев Аликбай, Петренко Григорий Алексеевич, Есибулатов Нарсутбай, Калейников Дмитрий Митрофанович, Натаров Иван Моисеевич, Шемякин Григорий Михайлович, Дутов Петр Данилович, Митченко Николай, Шапоков Душанкул, Конкин Григорий Ефимович, Шадрин Иван Демидович, Москаленко Николай, Емцов Петр Кузьмич, Кужебергенов Даниил Александрович, Тимофеев Дмитрий Фомич, Трофимов Николай Игнатьевич, Бондаренко Яков Александрович, Васильев Ларион Романович, Болотов Николай, Безродный Григорий, Сенгирбаев Мустафа, Максимов Николай, Ананьев Николай.

Был еще и двадцать девятый. Он оказался трусом и предателем. Он один потянул руки вверх, когда из прорвавшегося к самому окопу танка фашистский ефрейтор закричал: «Сдавайсь!» Он стоял жалкий, дрожащий, отвратительный в своей рабьей трусости. Перед кем падаешь на колени, тварь? Немедленно прогремел залп. Несколько гвардейцев одновременно, не сговариваясь, без команды выстрелили в изменника. Это сама родина покарала отступника.

Бой длился более четырех часов, и бронированный кулак фашистов не мог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Из противотанковых ружей храбрецы подбивали вражеские машины, зажигали их бутылками с

горючим. Уже четырнадцать танков недвижно застыли на поле боя. Но уже убит сержант Добробабин, убит боец Шемякин, истекает кровью Петренко, лежа на соломе, покрывающей дно окопа, мертвы Конкин, Шадрин, Тимофеев и Трофимов. В этот миг в сумеречной дымке показался второй эшелон танков. Среди них — несколько тяжелых. Тридцать новых машин насчитал Клочков. Сомнений не было — они шли к железнодорожному разъезду, к окопу смельчаков. Ты немного ошибся, славный политрук Диев! Ты говорил, что танков придется меньше чем по одному на брата. Их уже больше чем по два на бойца. Родина, матерь-отчизна, дай новые силы своим сыновьям, пускай не дрогнут они в этот тяжелый час.

Воспаленными от напряжения глазами Клочков посмотрел на товарищей.

— Тридцать танков, друзья, — сказал он бойцам, — придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

Танки двигались к окопу. Раненый Бондаренко, пригнувшись к Клочкову, обнял его невредимой рукой и сказал: «Давай поцелуемся, Диев». И все они, те, кто был в окопе, перецеловались и вскинули ружья, и приготовили гранаты. Танки все ближе и ближе. Вот они уже у самого окопа. Им навстречу поднимаются бесстрашные.

Тридцать минут идет бой, и нет уже боеприпасов у смельчаков. Один за другим они выходят из строя. Гибнет Москаленко под гусеницами танка, царапая голыми руками его стальные плиты. Прямо под дуло вражеского пулемета идет, скрестив на груди руки, Кужебергенов и падает замертво. Подбито и горит около десятка танков. Клочков, сжимая последнюю связку гранат, бежит к тяжелой машине, только что подмявшей под себя Безродного. Политрук успевает перебить гусеницу чудовища и, пронзенный пулями, опускается на землю.

Убит Клочков. Нет, он еще дышит. Рядом с ним, окровавленным и умирающим, голова к голове, лежит раненый Натаров. Мимо них с лязгом и грохотом движутся танки врага, а Клочков шепчет своему товарищу: «Помираем, брат… Когда-нибудь вспомнят нас… Если жив будешь, скажи нашим...».

Он не кончил фразы и застыл. Так умер Клочков, чья жизнь была отдана мужественному деянию на поле брани.

Все это рассказал Натаров, лежавший уже на смертном одре. Его разыскали недавно в госпитале. Ползком он добрался в ту ночь до леса, бродил, изнемогая от потери крови несколько дней, пока не наткнулся на группу наших разведчиков. Умер Натаров — последний из павших двадцати восьми героев-панфиловцев. Он передал нам, живущим, их завещание. Смысл этого

завещания был понят народом еще в ту пору, когда мы не знали всего, что произошло у разъезда Дубосеково. Нам известно, что хотел сказать Клочков в тот миг, когда неумолимая смерть витала над ним. Сам народ продолжил мысли умиравшего и сказал себе от имени героев: «Мы принесли свои жизни на алтарь отечества. Не проливайте слез у наших бездыханных тел. Стиснув зубы, будьте стойки! Мы знали, во имя чего идем на смерть, мы выполнили свой воинский долг, мы преградили путь врагу. Идите в бой с фашистами и помните: победа или смерть! Другого выбора у вас нет, как не было его и у нас. Мы погибли, но мы победили».

Это завещание живет в сердцах воинов Красной Армии. Солнце победы все ярче и ярче горит на их знаменах. Враг отступает. Его преследуют кровные братья героев-панфиловцев, истребляют без жалости, мстят без милосердия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кривицкий, А. О 28 павших героях / А. Кривицкий // Крас. звезда. — 1942. — 22 янв. (№ 18).

2. Кривицкий, А. Разъезд Дубосеково / А. Кривицкий ; фот. Г. Хомзор // Крас. звезда. — 1942. — 24 июля (№ 172).

3. Малкин, В. М. Батальон неизвестных солдат / В. М. Малкин. — Москва : Моск. рабочий, 1981. — 128 с.

4. Награждение 28 павших героев // Крас. звезда. — 1942. — 22 июля (№ 170).

5. О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу Красной Армии : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.07.1942 // Крас. звезда. — 1942. — 22 июля (№ 170).

6. Ортенберг, Д. И. Год 1942 : рассказ-хроника / Д. Ортенберг. — Москва : Политиздат, 1988. — 460 с.

7. Справка-доклад главного военного прокурора Н. Афанасьева «О 28 панфиловцах» [Электронный ресурс] // Государственный архив Российской Федерации : офиц. сайт. — Режим доступа: http://statearchive.ru/607.

Окончание. Начало в №№ 1 (82), 2 (83) и 3 (84) за 2019 год.